

GLOTTO
GLOTTODIDACTICA
DIDACTICA
VOL. XXXV (2009)

WYDAWNICTWO NAUKOWE UAM

col. 42582 A II

13 09 2010 #

GLOTO GLOTTODIDACTICA DIDACTICA

GLOTTODIDACTICA
An International Journal of Applied Linguistics
Founding Editor: Prof. Dr. Ludwik Zabrocki

Ausgabe / Issue 35

Herausgeber / Publisher
Institut für Angewandte Linguistik der Adam Mickiewicz Universität Poznań

V.i.S.d.P. Responsible person in accordance with Polish press law
Prof. Dr. Waldemar Pfeiffer (Honorary Editorship)

Redaktion (Leitung) / Editorial Head
Prof. Dr. Barbara Skowronek

Redaktionelle Mitarbeit / Editorial support
Dr. Luiza Ciepiewska-Kaczmarek, Dr. Monika Kowalonek-Janczarek

Redaktionsbeirat Editorial / Advisory Board
Prof. Dr. Jerzy Bańcerowski, Prof. Dr. Anna Cieślicka, Prof. Dr. Józef Darski,
Prof. Dr. Jacek Fisiak, Prof. Dr. Antoni Markunas, Prof. Dr. Kazimiera Myczko,
Prof. Dr. Stanisław Puppel, Prof. Dr. Christoph Schatte, Prof. Dr. Teresa Tomaszewicz,
Prof. Dr. Weronika Wilczyńska, Prof. Dr. Stephan Wolting, Prof. Dr. Władysław Wozniak

Wissenschaftlicher Beirat / Academic Advisory Board
Prof. Dr. Rupprecht S. Baur (Duisburg/Essen), Prof. Dr. Dmitrij Dobrovolskij (Moskau/Wien),
Prof. Dr. Franciszek Grucza (Warszawa), Prof. Dr. Wolfgang Herrlitz (Utrecht),
Prof. Dr. Hanna Komarowska (Warszawa), Prof. Dr. Bogdan Kovtyk (Halle),
Prof. Dr. Frank Königs (Marburg/L.), Prof. Dr. Roman Lewicki (Wrocław),
Prof. Dr. Clare Mar-Molinero (Southampton), Prof. Dr. Paweł Mecner (Szczecin),
Prof. Dr. Bernd Müller-Jacquier (Bayreuth), Prof. Dr. David S. Singleton (Dublin),
Prof. Dr. Marian Szczodrowski (Gdańsk), Prof. Dr. Iwar Werlen (Bern),
Prof. Dr. Jerzy Żmudzki (Lublin)

UNIwersytet IM. Adama Mickiewicza w Poznaniu

GLOTO
GLOTO
GLOTTODIDACTICA
DIDACTICA

VOLUME XXXV

WYDAWNICTWO
NAUKOWE

POZNAŃ 2009

Adres redakcji

Instytut Lingwistyki Stosowanej UAM
ul. 28 Czerwca 1956 r. nr 198
61-485 Poznań, Poland
tel. +48 61 829 29 25, tel./fax +48 61 829 29 26

Editor: Prof. Barbara Skowronek barbaras@amu.edu.pl
Assistants to the Editor: Dr Luiza Ciepielewska-Kaczmarek luizac@poczta.fm
Dr Monika Kowalonek-Janczarek monika.kowalonek@wp.pl

Weryfikacja językowa tekstów
prof. dr hab. Anna Cieślicka
dr Britta Stöckmann

Publikacja dofinansowana przez
Instytut Lingwistyki Stosowanej UAM

© *Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2009*

Wydano na podstawie maszynopisu gwarantowanego

425821 II / Vol 35:
2009

Projekt okładki i stron tytułowych: Ewa Wąsowska
Redaktor prowadzący: Anna Rąbalska
Formatowanie: Eugeniusz Strykowski

ISBN 978-83-232-2083-1
ISSN 0072-4769

WYDAWNICTWO NAUKOWE UNIwersytetu IM. ADAMA MICKIEWICZA
61-734 Poznań, ul. F. Nowowiejskiego 55, tel. 061 829 39 85, fax 061 829 39 80

e-mail: press@amu.edu.pl www.press.amu.edu.pl
Ark. wyd. 17,00. Ark. druk. 15,50

ZAKŁAD GRAFICZNY UAM, POZNAŃ, UL. H. WIENIAWSKIEGO 1

BIBL. UAM

2009 EO/868

CONTENTS

I. ARTICLES

Basic and Referential Disciplines

Grundlagen- und Referenzwissenschaften

MARIAN SZCZODROWSKI, <i>Wesen, Arten und Wirkungen der fremdsprachlichen Steuerung</i> . . .	9
GRAŻYNA LEWICKA, <i>Zu einigen Problemen des Verstehens in der konstruktivistisch orientierten Fremdsprachendidaktik</i>	25
REINHOLD UTRI, <i>Bilinguale Erziehung – neue Herausforderungen und Lösungen aus linguistischer Sicht</i>	35
ANNA URBAN, <i>Phraseologismen als Textualisierungsmittel</i>	49
NATASCHA JOURDY, <i>Нарративная структура художественного текста: свободно-косвенный дискурс как категория лингвистики и нарратологии</i>	59

Methodology in Glottodidactics

Fremdsprachenmethodik

ZOFIA CHŁOPEK, <i>The relationship between language learning experience, motivation and some other individual variables of mature foreign language learners</i>	69
MAŁGORZATA CZARNECKA, <i>Die Entwicklung interner grammatischer Regeln im gesteuerten Fremdsprachenunterricht</i>	81
BRIGITA KOSEVSKI PULJIĆ, <i>Der Erwerb der Schreibkompetenz im Deutsch als Fremdsprache – zwischen Konzepten und Modellen</i>	91
AGNIESZKA MAC, <i>Einige Überlegungen zur Wortbildungslehre im fremdsprachlichen Deutschunterricht</i>	103
SYLWIA ADAMCZAK-KRYSZTOFOWICZ, ANTJE STORK, <i>Podcasts im glottodidaktischen Medienverbund. Versuch einer vergleichenden Analyse</i>	117
MARIUSZ WALORCZYK, <i>Optimierung der ZD-Prüfungsvorbereitung in Bezug auf die Aufgabenformen</i>	129

Language Policy and Intercultural Studies

Sprachenpolitik und Interkulturelle Studien

MONIKA KOWALONEK-JANCZAREK, <i>Die Nachbarsprache Polnisch aus einer sprachpolitischen und soziolinguistischen Perspektive im Kontext der Mehrsprachigkeit in Europa</i>	139
NINO LOLADZE, <i>Interkulturelles Lernen als Schlüsselqualifikation im Zeitalter der Globalisierung im Kontext des Deutschunterrichts in Georgien</i>	151

II. RESEARCH REPORTS

DANUTA WIŚNIEWSKA, <i>EFL Teachers' Perception and Practice of Action Research</i>	163
KATARZYNA PAPAJA, <i>Insights from a CLIL classroom</i>	179
MAGDALENA KOPER, MAGDALENA DUDZIŃSKA, <i>Europäisierung der Sprachenpolitik im Bereich des Kulturtourismus nach dem EU-Beitritt Polens am Beispiel der Stadt Gdańsk</i>	189

III. BOOK REVIEWS

BARBARA SKOWRONEK, Marian Szczodrowski: <i>Fremdsprachliche Lehr-Lern-Vorgänge im kodematischen Blickfeld</i> . Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk – Sopot 2009, 225 S.	195
JOANNA KIC-DRGAS, Sambor Grucza: <i>Lingwistyka języków specjalistycznych</i> . Wydawnictwo Euro-Edukacja, Warszawa 2008, 256 S.	197
ANNA PIECZYŃSKA-SULIK, Hans-Jörg Schwenk: <i>Präfigierung im Polnischen und ihre Entsprechung im Deutschen. Zu Theorie von und lexikographischem Umgang mit Aspekt und Aktionsart</i> . Reihe: Języki – Kultury – Teksty – Wiedza. Band 8, Wydawnictwo Euro-Edukacja, Warszawa 2007, 301 S.	199
BARBARA SKOWRONEK, Magdalena Olpińska: <i>Nauczanie dwujęzyczne w świetle badań i koncepcji glottodydaktycznych</i> . Seria: Języki – kultury – teksty – wiedza. Franciszek Grucza, Jerzy Lukszyn (Hg.). Wydawnictwo Euro-Edukacja, Warszawa 2008, 247 S.	203
REINHOLD UTRI, Marc Bielefeld: <i>We spe@k Deutsch... aber verstehen nur Bahnhof. Unterwegs im Dschungel unserer Sprache</i> . Wilhelm Heyne Verlag, München, 2008, 286 S.	206
GABRIELA GORAÇA, Sambor Grucza: <i>Od lingwistyki tekstu do lingwistyki tekstu specjalistycznego</i> . Seria: Języki – kultury – teksty – wiedza. Franciszek Grucza, Jerzy Lukszyn (Hg.). Wydawnictwo Euro-Edukacja, Warszawa 2007, 218 S.	207
KATARZYNA KONSEK, Jörg Roche: <i>Handbuch Mediendidaktik</i> . Hueber Verlag, Ismaning 2008, 176 S.	210
ANNA URBAN, Christiane Hümmel: <i>Synonyme bei phraseologischen Einheiten. Eine korpusbasierte Untersuchung</i> . Peter Lang, Frankfurt am Main 2009, 357 S.	213
SYLWIA ADAMCZAK-KRYSZTOFOWICZ, Kazimiera Myczko, Barbara Skowronek, Władysław Zabrocki (red.): <i>Perspektywy glottodydaktyki i językoznawstwa. Tom jubileuszowy z okazji 70. urodzin Profesora Waldemara Pfeiffera</i> . Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2008, 499 S.	215
MONIKA KOWALONEK-JANCZAREK, Boris Blahak, Clemens Piber (Hg.): <i>Deutsch als fachbezogene Fremdsprache in Grenzregionen</i> . Ekonóm, Bratislava 2008, 322 S.	219
LUIZA CIEPIELEWSKA-KACZMAREK, Sambor Grucza (Hg.): <i>W kregu teorii i praktyki lingwistycznej. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi Jerzemu Lukszynowi z okazji 70. rocznicy urodzin</i> . Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2007, 367 S.	221
AGNIESZKA PAWŁOWSKA, <i>Kultury i języki poznawać – uczyć się – nauczać / Kulturen und Sprachen verstehen – lernen – lehren</i> . Pod redakcją / Herausgegeben von Anna Jarożewska, Marta Torenc. Uniwersytet Warszawski, Instytut Germanistyki, Warszawa 2008, 433 S.	223
BEATA MIKOŁAJCZYK, Konrad Ehlich, Dorothee Heller (Hg.): <i>Die Wissenschaft und ihre Sprachen</i> . 2006. Peter Lang Verlag, Bern / Berlin / Bruxelles / Frankfurt a.M. / New York / Oxford / Wien. (= Linguistic Insights. Studies in Language and Communication, Volume 52), 323 S.	226

IV. REPORTS

LUIZA CIEPIELEWSKA-KACZMAREK, Lesen und Leseverstehen in der DaF-Didaktik	233
MAGDALENA JUREWICZ, PAWEŁ RYBSZLEGER, Bericht über die Internationale wissenschaftliche Konferenz des Verbandes Polnischer Germanisten (VPG)	235
AGNIESZKA PAWŁOWSKA, Bericht über die internationale Konferenz <i>Reflexion als Schlüsselphänomen der gegenwärtigen Fremdsprachendidaktik</i>	237
GRAŻYNA ZENDEROWSKA-KORPUS, Das linguistisch-hochschuldidaktische Kolloquium „Fachsprachenpropädeutik im Germanistikstudium“	239
List of authors	243

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ЖУРДИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**Нарративная структура художественного
текста:
свободно-косвенный дискурс
как категория лингвистики и нарратологии**

Narrative structure of literary text:
Free indirect discourse as a linguistic
and narratological category

ABSTRACT. The paper focuses on the analysis of free indirect discourse as a modernist narrative form. We outline the basic narrative and linguistic characteristics of free indirect discourse and examine its main functions in the literary texts. We undertake a comparative analysis of three examples of free indirect discourse (drawn from the texts of G. Flaubert, F. Kafka and V. Nabokov) and display their common and distinctive features.

Keywords: linguistic analysis of literary text / narratology / comparative linguistics / narrative instance / narrative form / free indirect discourse / expression of subjectivity / syntactical characteristics of free indirect discourse / egocentric elements

ВСТУПЛЕНИЕ: ПРЕДМЕТ АНАЛИЗА

Свободно-косвенный дискурс (СКД) находится в фокусе внимания многочисленных современных нарратологов и лингвистов (Падучева 1996, 2005, Fludernik 1993, Nodel 2001, Kurt 1999, Poncharal 2003, Toolan 1994). Несмотря на противоречивость трактовок, лингвисты сходятся в том, что СКД является модернистской повествовательной формой, коренным образом отличающейся от традиционных повествователь-

ных форм – повествования от 1-го л. и повествования от 3-го л. Это отличие заключается, в первую очередь, в том, что СКД позволяет охарактеризовать персонаж непосредственно, «изнутри», в то время, как в классическом нарративе персонаж характеризуется опосредованно, голосом повествователя. Одной из фундаментальных характеристик СКД является частичное или полное устранение повествовательной инстанции (а в автодиегетическом нарративе – интерференция голосов повествователя и протагониста, вплоть до их слияния и неразличимости), что предоставляет СКД расширенные возможности для выражения субъективности. Существуют также грамматические маркеры СКД (например, видо-временная глагольная система, дейктики), которые могут быть как универсальными, так и специфическими для каждого конкретного языка. Для идентификации СКД необходимо принимать во внимание как нарратологические, так и лингвистические (грамматические) параметры.

В контексте нашего исследования мы рассматриваем СКД применительно к художественному тексту, т.е. как чисто литературное образование¹. В работе будет предпринят анализ примеров СКД, взятых из художественных текстов на французском, немецком и русском языках.

1. Г.ФЛОБЕР: ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ (1869)

На первых страницах романа Гюстава Флобера Воспитание чувств (*L'Éducation sentimentale*) описывается встреча протагониста, Фредерика Моро, с мадам Арну – женщиной, любовь к которой Фредерик пронесет через всю свою жизнь.

(1) Il considérait son panier à ouvrage avec ébahissement, comme une chose extraordinaire. Quels étaient son nom, sa demeure, sa vie, son passé? Il souhaitait connaître les meubles de sa chambre, toutes les robes qu'elle avait portées, les gens qu'elle fréquentait; et le désir de la possession physique même disparaissait sous une envie plus profonde, dans une curiosité douloureuse qui n'avait pas de limites. (23) // Он рассматривал ее рабочую корзинку с изумлением, будто это было что-то необыкновенное. Как ее имя, где она живет, какова ее жизнь, что у нее в прошлом? Он желал увидеть обстановку

¹ Некоторые современные исследователи (Fludernik 1993, Hodel 2001, Maingueneau 1991) отмечают, что СКД (долгое время трактовавшийся как исключительно литературное образование) существует также в устной форме. Доказательство или опровержение этой гипотезы не относится к числу наших задач. Предметом нашего внимания являются письменные (художественные) тексты.

ее комнаты, платья, которые она когда-либо носила, людей, которых она встречала; и само стремление обладать ею исчезало перед желанием более глубоким, перед мучительным, безграничным любопытством.

В первом предложении повествование ведется от 3-го лица из перспективы повествователя (традиционный нарратив, ТН). Переход в СКД² происходит во 2-ом предложении, в котором переданы субъективные восприятия протагониста. Начало 3-го предложения (Il – fréquentait) представляет собой тот самый пограничный случай, который может быть проинтерпретирован и как авторский комментарий (ТН), и как восприятие протагониста (СКД). Исходя из того, что мы считаем подобную двусмысленность одним из фундаментальных признаков СКД, мы склонны отнести этот отрезок текста к СКД. Во 2-ой части 3-го предложения (et le désir – pas de limites) повествование вновь ведется из перспективы повествователя. СКД оформлен в имперфекте, что характерно для СКД во французском языке. Другим классическим синтаксическим маркером СКД является вопрос.

(2) Il la supposait d'origine andalouse, créole peut-être ; elle avait ramené des îles cette négresse avec elle?

Un long châle à bandes violettes était placé derrière son dos, sur le bordage de cuivre. Elle avait dû, bien des fois, au milieu de la mer, durant les soirs humides, en envelopper sa taille, s'en couvrir les pieds, dormir dedans ! Mais, entraîné par les franges, il glissait peu à peu, il allait tomber dans l'eau. Frédéric fit un bond et le rattrapa. (23 ff.) // Он предполагал, что она была родом андалузка или, может быть, креолка. Не с островов ли вывезла она эту негритянку?

Длинная шаль с лиловыми полосами лежала за ее спиной, на медной обшивке борта. Она, должно быть, на море, в сырые вечера часто укутывалась в эту шаль, укрывала ею ноги, спала в ней! Но бахрома перетягивала шаль вниз, она постепенно скользила, рискуя упасть в воду. Фредерик вскочил и подхватил ее.

Как с синтаксической, так и с нарратологической точки зрения, первое предложение разбивается на две части. Первая часть представляет собой утвердительное высказывание в ТН из перспективы по-

² СКД глобален, т.е. он представляет собой (нетрадиционную) ПФ. Тем не менее, тексты, доминирующей повествовательной формой которых является СКД, часто содержат пассажи в традиционном нарративе (повествовании от 1-го или от 3-го лица). В процессе анализа текстов мы будем часто встречаться со сменой ПФ, т.е. с переходом из СКД в ТН и наоборот. Мы вводим понятие минимальной единицы СКД, которое относится к предложению или высказыванию в СКД. Но если минимальная единица СКД ограничивается рамками предложения, для ее диагностики всегда необходим более широкий контекст.

вестователя; вторая часть (вопросительное высказывание) относится к протагонисту и представляет собой СКД (1), в котором выражены предположения протагониста. Новая смена перспективы повествования происходит во 2-ом предложении (ТН). В нем действительность описывается с точки зрения повествователя. Далее следует предложение в СКД (2) (*Elle avait dû, bien des fois, au milieu de la mer, durant les soirs humides, en envelopper sa taille, s'en couvrir les pieds, dormir dedans !*), в котором выражено субъективное восприятие протагониста. СКД (2) оформлен синтаксически как восклицательное предложение. В следующем предложении происходит, скорее всего, переход в ТН³. Последнее предложение представляет собой, вне всяких сомнений, ТН из перспективы повествователя. Отметим, что СКД (1) и (2) оформлены в плюсквамперфекте. Эта временная форма менее характерна для СКД во французском, чем имперфект.

(3) *Le temps pressait. Comment obtenir une invitation chez Arnoux? Et il n'imagina rien de mieux que de lui faire remarquer la couleur de l'automne, en ajoutant:*

- *Voilà bientôt l'hiver, la saison des bals et des dîners!* (26) // Время поджимало. Как раздобыть приглашение у Арну? Ему не пришло в голову ничего лучшего, как привлечь его внимание к краскам осени и добавить:
- Скоро начнется зима – сезон балов и ужинов.

Здесь, как и в двух предыдущих примерах, голос протагониста внедряется в ТН. С синтаксической точки зрения, СКД оформлен как безличное вопросительное предложение. СКД позволяет передать эмоционально-интеллектуальное состояние протагониста его же языком. В этом примере голоса протагониста, способного к самовыражению (*Comment obtenir une invitation chez Arnoux?*: СКД), и повествователя, комментирующего состояния или действия протагониста (*Et il n'imagina rien de mieux...:* ТН), четко разграничены.

В проанализированных примерах СКД служит для непосредственной характеристики протагониста, т.е. для передачи сомнений, переживаний, желаний и фантазмов протагониста в момент их появления в его (под)сознании. Формальные маркеры СКД (имперфект, вопрос, восклицание) являются стандартными для французского языка. Анализ свидетельствует также о сложности диагностики СКД. Граница между СКД и ТН иногда расплывчата. Некоторые предложения можно отнести как к СКД, так и к ТН.

³ На наш взгляд, нельзя полностью исключать возможность того, что действительность передана здесь через призму восприятия протагониста (Фредерик наблюдает за палью и констатирует, что она вот-вот упадет в реку). В таком случае это предложение следует интерпретировать как СКД.

2. Ф. КАФКА: ПРОЦЕСС (РАБОТА НАД РОМАНОМ: 1914–1915; ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ: 1925)

В первой главе романа Франца Кафки Процесс (Der Proceß) протагонист, к немалому своему удивлению, узнает о том, что против него возбуждено уголовное дело.

(1) Im Nebenzimmer, in das K. langsamer eintrat als er wollte, sah es auf den ersten Blick fast genau so aus, wie am Abend vorher. Es war das Wohnzimmer der Frau Grubach, vielleicht war in diesem mit Möbeln Decken Porzellan und Photographien überfüllten Zimmer heute ein wenig mehr Raum als sonst, man erkannte das nicht gleich, umsoweniger als die Hauptveränderung in der Anwesenheit eines Mannes bestand, der beim offenen Fenster mit einem Buch saß, von dem er jetzt aufblickte. „Sie hätten in Ihrem Zimmer bleiben sollen! ...“ (8ff) // В соседней комнате, куда К. вошел медленнее, чем ему того хотелось, на первый взгляд, со вчерашнего вечера почти ничего не изменилось. Это была гостиная фрау Грубах; может быть, в этой комнате, загроможденной мебелью, коврами, фарфором и фотографиями, было сегодня чуть больше места, чем обычно, это было заметно не сразу, тем более, что главная перемена заключалась в присутствии мужчины, сидевшего у открытого окна с книгой, от которой он сейчас оторвал глаза: « Вам следовало остаться у себя в комнате! ...»

В этом пассаже восприятие пространства пропущено, главным образом, сквозь призму сознания протагониста. В первом предложении явно различим голос повествователя, комментирующего состояние протагониста («*in das K. langsamer eintrat als er wollte*»). Присутствие повествователя ощутимо также в начале второго предложения («*Es war das Wohnzimmer der Frau Grubach*»). Далее повествователь устраняется из нарратива, и описание пространства дается из перспективы протагониста, в СКД. Дейктики времени (*heute, (nicht) gleich, jetzt*) и внутреннего состояния (*vielleicht*) относятся к протагонисту. Повествование ведется в прошедшем нарративном (*Präteritum*), от неопределенно-личного местоимения *man*, за которым стоит протагонист. Конец СКД четко маркирован. Он совпадает с началом ПР.

(2) „Ja, was wollen Sie denn?“ sagte K. und sah von der neuen Bekanntschaft zu dem mit Franz Benannten, der in der Tür stehen geblieben war, und dann wieder zurück. Durch das offene Fenster erblickte man wieder die alte Frau, die mit wahrhaft greisenhafter Neugierde zu dem jetzt gegenüberliegenden Fenster getreten war, um auch weiterhin alles zu sehn. (9) // «Что вам, в конце концов, нужно?», – спросил К., переводя взгляд со своего нового знакомого на того, кого называли Франц (он стоял в двери), и снова на первого. Через открытое окно снова была видна старуха, которая с чисто старческим любопытством перебежала к другому окну, чтобы ничего не упустить из происходящего.

Переход из ТН в СКД осуществляется во втором предложении. Как и в предыдущем примере, СКД служит для передачи восприятий протагониста, только здесь объектом восприятия является не пространство, а персонаж (*die alte Frau*). Дейктик времени *jetzt*, наречие *wieder* и предикат внутреннего состояния *wahrhaftig* контекстуализируются через сознание протагониста. В синтаксическом плане этот пассаж также схож с предыдущим примером. Повествование ведется в прошедшем нарративном, от неопределенно-личного местоимения *man*, смысловым референтом которого является протагонист.

(3) Ohne auf dieses Angebot zu antworten, stand K. ein Weilchen lang still. Vielleicht würden ihn die Beiden, wenn er die Tür des folgenden Zimmers oder gar die Tür des Vorzimmers öffnen würde, gar nicht zu hindern wagen, vielleicht wäre es die einfachste Lösung des Ganzen, daß er es auf die Spitze trieb. Aber vielleicht würden sie ihn doch packen und war er einmal niedergeworfen, so war auch alle Überlegenheit verloren, die er ihnen jetzt gegenüber in gewisser Hinsicht doch wahrte. Deshalb zog er die Sicherheit der Lösung vor, wie sie der natürliche Verlauf bringen mußte, und ging in sein Zimmer zurück, ohne daß von seiner Seite oder von Seite der Wächter ein weiteres Wort gefallen wäre. (16) // К. ничего не ответил на это предложение и остался стоять на месте. Может быть, если он откроет дверь в соседнюю комнату или даже в прихожую, эти двое даже и не попытаются его остановить; может быть, это и есть самое простое решение – пойти напролом? Но они, может быть, его все-таки схватят, а потерпеть такое унижение означает потерять свое превосходство над ними, которое он пока еще в некоторых отношениях сохранял. Поэтому К. решил дожидаться развязки, которая должна прийти сама собой, естественным образом, и возвратился назад в свою комнату, не обменявшись больше со стражами ни единым словом.

В этом примере разграничение ТН и СКД не представляет труда. Первое и последнее предложение представляют собой ТН из перспективы повествователя и образуют кадр, внутри которого развивается СКД. В СКД передается эмоциональное состояние протагониста – его страхи, сомнения, переживания. Предикат внутреннего состояния *vielleicht* и дейктическое наречие времени *jetzt* относятся к протагонисту. Синтаксическим маркером СКД являются конъюнктив II (*vielleicht wäre es...; ohne daß... ein weiteres Wort gefallen wäre*) и кондиционалис (*würden...zu hindern wagen, öffnen würde*).

В проанализированных примерах СКД служит для непосредственной передачи восприятий и внутренних состояний протагониста. Как и в тексте Г. Флобера, СКД в тексте Ф. Кафки позволяет охарактеризовать протагониста «изнутри». Важными формальными маркерами СКД Ф. Кафки являются многочисленные эгоцентрические элементы

(наречия времени и пространства; предикаты внутреннего состояния), контекстуализирующиеся через сознание протагониста; неопределенно-личное местоимение *там* и кондиционалис. Последний момент следует рассматривать как нестандартный, если исходить из классического определения СКД (повествование в изъявительном наклонении, прош. вр., от 3-го лица)⁴. Однако, как мы уже указали в первом разделе, это определение неизбежно схематично и не может иметь исчерпывающий характер.

3. В. НАБОКОВ ОЗЕРО, ОБЛАКО, БАШНЯ (1937)

Рассказ Владимира Набокова Озеро, облако, башня повествует о злоключениях русского эмигранта, который выиграл на благотворительном балу в Берлине «увеселительную поездку». Эта поездка превращается в настоящее мучение.

(1) Утро поднялось пасмурное, но теплое, парное, с внутренним солнцем, и было совсем приятно трястись в трамвае на далекий вокзал, где был сборный пункт: в экскурсии, увы, участвовало несколько персон. Кто они будут, эти сонные – как все еще нам незнакомые – спутники? (269)

Этот пассаж является характерным примером двуголосия и двусмысленности, которые пронизывают весь рассказ. От чьего лица ведется здесь повествование? Кто является субъектом восприятия? Начало первого предложения может быть еще проинтерпретировано как ТН из перспективы повествователя. Во второй части первого предложения передаются субъективные восприятия протагониста: предикат внутреннего состояния (*совсем приятно*) и экспрессив *увы* контекстуализируются через его сознание. Тем не менее, повествователь не устраняется из нарратива, как это часто происходит в СКД, а, так сказать, примыкает к протагонисту, практически сливаясь с ним. В следующем предложении вводится местоимение *нам* и, таким образом, устанавливается единство перспективы повествователя и протагониста. Создается впечатление, будто повествователь присутствует на месте действия и испытывает те же самые ощущения, что протагонист (или дублирует их).

(2) Паровоз, шибко-шибко работая локтями, бежал сосновым лесом, затем – облегченно – полями, и, понимая еще только смутно всю чушь и ужас

⁴ Р. Ходель (Hodel 2001: 44) рассматривает кондиционалис как один из формальных синтаксических критериев СКД в немецком языке.

своего положения, и, пожалуй, пытаюсь уговорить себя, что все очень мило, Василий Иванович ухитрялся наслаждаться мимолетными дарами дороги. // И действительно: как это все увлекательно, какую прелесть приобретает мир, когда заведен и движется каруселью! Какие выясняются вещи! Жгучее солнце пробиралось к углу окошка и вдруг обливало желтую лавку. Безумно быстро неслась плохо выглаженная тень вагона по травяному скату, где цветы сливались в цветные строки. Шлагбаум: ждет велосипедист, опираясь одной ногой на землю. Деревья появлялись партиями и отдельно, поворачивались равнодушно и плавно, показывая новые моды. Синяя сырость оврага. Воспоминание любви, переодетое лугом. Перистые облака, вроде небесных борзых. // Нас с ним всегда поражала эта страшная для души анонимность всех частей пейзажа, невозможность никогда узнать, куда ведет вон та тропинка, – а ведь какая соблазнительная глушь! // [...] А на остановках Василий Иванович смотрел иногда на сочетание каких-нибудь совсем ничтожных предметов – пятно на платформе, вишневая косточка, окурок, – и говорил себе, что никогда-никогда не запомнит и не вспомнит более вот этих трех штучек в таком-то их взаимном расположении, этого узора, который однако сейчас он видит до бессмертности ясно [...] (270)

Первое предложение представляет собой ТН. Предикат внутреннего состояния *пожалуй* относится к повествователю. Между протагонистом и повествователем существует пока определенная дистанция. Следующий пассаж представляет собой, с нашей точки зрения, СКД, субъектом которого является, на первый взгляд, протагонист. В СКД происходит регистрация мимолетных впечатлений протагониста: восприятие пейзажа дано сквозь призму его сознания. Эгоцентрики (*вдруг, безумно быстро*) относятся к протагонисту. Синтаксическими маркерами СКД являются в данном случае восклицания (*как это все увлекательно, какую прелесть приобретает мир, когда заведен и движется каруселью! Какие выясняются вещи!*) и неполные предложения (*Синяя сырость оврага...Воспоминание любви, переодетое лугом. Перистые облака, вроде небесных борзых.*). Однако, в следующем пассаже повествователь явственно дает знать о том, что он тоже присутствует на месте повествование в тот же самый момент, что и протагонист и что их восприятия и ощущения абсолютно идентичны (*Нас с ним всегда поражала эта страшная для души анонимность всех частей пейзажа, невозможность никогда узнать, куда ведет вон⁵ та тропинка...*). Между

⁵ Е.В. Падучева (ПАДУЧЕВА 2005: 918 ff.) различает первичные и вторичные эгоцентрики. Сфера существования первичных дейктиков – это речевой режим, т.е. полноценная речевая коммуникация. В этом заключается их отличие от вторичных дейктиков, которые допускают, наряду с речевым, синтаксический и нарративный

повествователем и протагонистом не существует ни временной, ни пространственной, ни эмоциональной дистанции; они практически сливаются воедино. Итак, правомерно считать, что субъектами СКД в анализируемом пассаже являются протагонист и повествователь. В последнем предложении (ТН) присутствует четкое разграничение повествователя и протагониста. Повествователь характеризует протагониста «снаружи».

В проанализированных примерах СКД связан со слиянием (сознаний) повествователя и протагониста. СКД является одним из факторов, лежащих в основе двусмысленности повествования, и, вероятно, средством выражения эмпатии. Как в текстах Г. Флобера и Ф. Кафки, СКД в тексте В. Набокова приспособлен для раскрытия внутреннего мира протагониста и для передачи его мимолетных впечатлений – другими словами, для характеристики персонажа «изнутри». СКД содержит большое количество эгоцентриков (в частности, экспрессивов и предикатов внутреннего состояния), которые контекстуализируются через сознание протагониста или повествователя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, в первую очередь, присутствие аспектов, общих для всех трех проанализированных текстов. Центральным универсальным моментом является, на наш взгляд, функция СКД как сферы выражения субъективности. В проанализированных художественных текстах СКД предоставляет расширенные возможности для выражения субъективности, т.е. для раскрытия внутреннего мира персонажа. СКД благоприятствует передаче внутренних состояний, мимолетных впечатлений и эмоций персонажа и является, таким образом, сферой его самовыражения. СКД напрямую связан с устранением повествователя из нарратива или с уменьшением дистанции между повествователем и персонажем, вплоть до ее исчезновения.

Тем не менее, СКД каждого автора уникален и характеризуется особыми, специфическими чертами. Различия между СКД Флобера, Кафки и Набокова мотивированы различными лексико-грамматическими системами языков и различными идиостилиями авторов.

режимы интерпретации. Е.В. Падучева относит частицу «вон» к категории первичных дейктиков и оговаривает, что в ТН употребление первичных дейктиков возможно только в отступлениях, образующих повествовательную рамку.

Расширяя перспективу исследования, отметим актуальность и многогранность вопроса изучения СКД как нетрадиционной повествовательной формы. Мы считаем, что можно выделить две основные разновидности СКД: (1) СКД как доминирующая ПФ (2) пунктуальное внедрение СКД в дискурс, доминирующей ПФ которого является традиционный нарратив. Первый вид СКД часто присутствует в (модернистском) дискурсе конца XIX в. и, в особенности, XX в. (например, в текстах Г. Флобера, Дж. Джойса, В. Вульф, А. Робб-Гриее). Вторую разновидность СКД можно обнаружить (с большей или меньшей вероятностью) в текстах очень многих авторов, включая тех, стиль которых традиционно считается «классическим». В обоих случаях анализ СКД представляет бесспорный интерес и позволяет более точно охарактеризовать идиостиль автора.

ЛИТЕРАТУРА

- Fludernik M., 1993. *The Fiction of Language and the Languages of Fiction: the linguistic representation of speech and consciousness*. London, Routledge.
- Hodel R., 2001. *Erlebte Rede in der russischen Literatur. Vom Sentimentalismus zum Sozialistischen Realismus*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Maingueneau D., 1991. *L'énonciation en linguistique française: embrayeurs, temps, discours rapporté*. Paris: Hachette Supérieur.
- Poncharal B., 2003. *Linguistique contrastive et traduction. N° spécial: La représentation de paroles au discours indirect libre en anglais et en français*. Paris: Ophrys.
- Падучева Е. В., 1996. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: Языки русской культуры.
- Падучева Е.В., 2005. Игра со временем в первой главе романа В. Набокова «Пнин». // *Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой*. Москва: ЯСК, 916–931.
- Toolan M. J., 1994. *Narrative: a critical linguistic introduction*. London, New York: Routledge.

ЦИТИРОВАННЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ

- Flaubert G., 2003. *L'Éducation sentimentale*. Paris: Editions Gallimard.
- Kafka F., 1990. Der Proceß. In: Pasley, M. (Hrsg.) *Kritische Ausgabe*. Bd. 4 Frankfurt am Main: S. Fischer.
- Набоков В., 1989. Озеро, облако, башня. // *Другие берега: Сборник*. Москва: Кн. Палата, 268–274.